

ПРАВНУК ДРУГОПОЭМНЫЙ

...И слава Богу, что вот он среди нас, Поэт, которого нелегко поставить в ряд с другими – не ранжирится. А если попытаться найти его предшественников, предтеч, то с удивлением обнаруживаешь: да он им ровня. Так, Георгий Адамович «выводил» «корнесловую Цветаеву» из её кумира – Пастернака, считая, правда, что тот её только замутил, испортил своим сумбуром. Прошло время, и мы видим, что они равновеликие. Полагаю, имел полное право и наш Поэт назвать своими друзьями и братьями и Михайло Архангелобосого, и Гаврилу Романовича Словодержавного, и Александра Афроснежного, и Михаила Демонокрылого, и всех остальных, стараясь никого не забыть...

**Я не сужу, а различаю
Небесный облак и сирень,
И Божий промысел, и тень
На лицах, в ком души не чаю!**

Кстати, говоря о своем «цветаевском плене», он пишет в новой книге «Белый квадрат – поэт о поэте»: «...у Цветаевой есть слепой вскрик-упоминание имени, роднящее двух Александров: Афроснежного Пушкина и меня:

**А там, в полях необозримых,
Служа Небесному Царю,
Чугунный правнук Ибрагимов
Зажег зарю».**

Велик соблазн! Многие из друзей и знакомых, собравшиеся в апрельский день в областной филармонии на шестидесятилетие Александра Ибрагимова, пытались подобрать точное слово, какой-нибудь достойный эпитет, которые обычно ставятся рядом с именем Поэта. Но это оказалось неловко-затруднительным, поскольку вот он сам, виновник торжества. Ходит, смеётся, обнимает друзей, дарит книжки, любезно приглашает на сцену выступить, почитать свои стихи.

Не сглазить бы! Хорошо, что Поэт живёт и творит не в столице, а в Кузбассе, с ним у него кровная связь! Пусть потом слепая столица завидует! А мы пока затаённо и суеверно помолчим, листая его сборники стихов и первую книгу прозы «Белый квадрат»...

Есть такие авторы, которых читать не просто. Никак не получается, чтобы сразу от корки до корки. И вот объяснение, которое ничего, однако, не объясняет. Сначала где-то под волосами, на голове, покалывают тысячи иголок, затем это ощущение переходит на всё тело, а дальше и с душой происходит что-то невообразимое, тут и слёзы бывают. Как снова погрузиться в читку?

Всё время, сколько мы знакомы, дружим с Александром Ибрагимовым, пытаюсь разобраться в той силе, которая вызывает эти ощущения.

И каждый раз восхищаюсь открытыми им неожиданными возможностями русского языка. Вселенскостью, всеохватностью сознания поэта. Часто в одной строчке у него – весь многоцветный, будто заново рождённый мир. И этот мир полон смысла. Да что строчка – бывает, что и словосочетания, слова достаточно. Сами за себя говорят названия глав новой книги: «Златоосенний Есенин», «Самоискромсанный Маяковский», «Травоглазый Уитмен», «Гранадолунный Лорка», «Андрей Сквозьнесенский», «Мимородный Бродский»...

Можно соглашаться или не соглашаться с этими эпитетами, но нельзя не признать: так и должно быть. Никаких пустот. Если уж ты Поэт, то всё «вочеловечивай», оживляй, называй, к чему бы ни прикоснулся.

Было время, когда Александр Ибрагимов писал свободным стихом (он не любит слово «верлибр», как говорит в «Белом квадрате», оно произошло в результате кровосмешения верблюда и либерала).

И это не походило на одушевлённые космическим жаром «перечни» Уитмена и на «ситуационные» стихи многих переведённых у нас западноевропейцев. При таком подходе — ни при чём оказывался язык, на котором они созданы. Не напоминало и верлибры известных советских поэтов, часто — замученное подробностями изложение какой-либо якобы не пригодной для рифмовки мысли. Иные такие стихи — как камни в почках. Только у одного, ныне забытого, автора тридцатых-сороковых годов промелькнуло для меня что-то «ибрагимовское» — у Георгия Оболдуева. Но вряд ли он хоть каким-то боком влиял на нашего поэта. Скорее уж влияли «Сказка о попе и работнике его Балде» и особо «Слово о полку Игореве»... Как бы там ни было, несмотря на множество верлибристов, особенно в восьмидесятые годы, эта форма у нас была не разработана, ещё не нашла себя, не стала органичной, своей.

Ибрагимов писал так:

А во сне я увидел
Белый дом на Красной площади,
И нарисованное мальчишкой солнце
Всегда показывало полдень.
А потом из четырех морей
Стали выходить люди.
Их Чёрного моря — Чёрные,
Из Белого моря — Белые,
Из Красного моря — Красные,
Из Жёлтого моря — Жёлтые.
И Чёрные люди говорили слова бесконечные,
Как космос.
И Белые люди говорили слова ослепительные,
Как снег.
И Красные люди говорили слова обжигающие,
Как кровь.
И Жёлтые люди говорили слова извечные,
Как песок.
И все они не понимали друг друга,
Потому что говорили
На разных цветах.
И тогда спросили они людей,
Танцующих вокруг Дерева Дружбы:
— А вы из какого моря?
Какого оно цвета?
И юные и совсем зеленые ответили:
— А мы из Океана...

Это один из ранних и, возможно, ещё не совсем характерных его верлибров (1969 г.) и просто первое из запомнившегося, что сейчас пришло в голову... В тёмных глубинах истории из конденсата духовной жизни возникла краеугольная цельность мифов, на которых взошла человеческая культура. И было очень смело попытаться создать миф в век разобщенности, тотального мирового противостояния, набиравшей скорость технической революции...

В дальнейшем Поэт мыслил и писал верлибром так же естественно, как рифмованными стихами. Используя образы, ассоциации, метафоры, вправляя уйму подтекста. Именно это всё, а не голая изречённая мысль, которая, как известно, есть ложь, стали значимы.

Помню, как давно, в разгар «ЛИТующих», но уже расслабленных, восьмидесятых, в «Литературной газете» впервые напечатали его «Белый дом на Красной площади». Не отдельной публикацией (Боже упаси!), а в обзоре поэзии. Автор статьи приводил эти

стихи в пример: вот как можно и нужно! На нас, читателей, пахнуло надеждой. Оказывается, не всё так глухо. Вот и Москву проняло. Надо жить, творить.

Так не где-нибудь, а здесь, в Кемеровской области, совершился незаметный (пока) переворот. Появился, вздохнул полной грудью и расправил крылья русский свободный стих. Кто хочет, может поспорить. Я в сказанном – убеждён.

Но свободные стихи – только небольшая часть творчества Александра Ибрагимова.

...А на вечере в филармонии он приумалился. Так и не прочитал лучшее из созданного. Впрочем, лучшее и без того в памяти тех, кто любит, знает и бережёт его сборники.

Как бы отвечая на вечный, занозливый вопрос о величинах, о значимости, он вдруг «покаянно» выбрал в разговоре со сцены линию своей личной зависимости, «плена», как от многих предшественников, так и современников. Собственно, этой теме и посвящена книга «Белый квадрат». На первом месте среди уже названных поэтов – Океан-Пушкин. Не забыты и друзья, местные поэты – Крёков, Гурьянов, Донбай и другие. Кого не смог упомянуть в прозе, благодарно не забыл в поэме.

Он читал стихи, написанные исключительно в юные и молодые годы. Чтобы показать, кто, как и почему на него влиял.

Так же построена книга. Но на самом деле она не столько о других поэтах, сколько о нём самом, его собственном, таком непростом, полном зигзагов, пути-поиске. О духовных борениях, сомнениях и метаморфозах. Наконец, о том, что привело его к Православию.

Это откровенно и интересно: как Поэт относится к тем или иным явлениям.

Книга получилась небывалая по языку: с привкусом импровизации, с пулемётными трассирующими (через дефис) очередями глаголов и прилагательных, с мерцающими каскадами ассоциаций и образов...

Подобно ваятелю, отсечением лишнего, с последующей шлифовкой он прямо на глазах читателя добивается точности, которая граничит с артистизмом. То есть не фотографической, а летящей. То как бы на бредущем. То на запредельной высоте. Это книга воспоминаний и книга о мастерстве. И сама по себе как бы – мастер-класс. Кажется, порой: что это – проза Поэта или новая найденная им форма стихов?

А стихи у него цветные, калейдоскопичные, блестящие, от них, как я уже говорил, – тысячи иголок и дух захватывает... Про себя отметил, что у Поэта, как и в молодые годы (рукописи горят, и он, бывало, безвозвратно сжигал их, но поэты не стареют), та же непосредственная реакция на мир, как у чистого вёрткого зеркальца. И всё затянуто на два узла с судьбой. Сейчас ещё круче. Ещё крепче.

И его «Белый квадрат» (явная антитеза с «Чёрным квадратом» Малевича!), и предыдущая книга «Крест русского четверостишия» (лицевая обложка черная, задняя – белая) чем-то схожи. Чёрный цвет – символ подавления. Белый – свободы. Но в этом случае свободы относительной. Втиснутой во временные и пространственные рамки. Об этом напоминает слово «квадрат» – наиболее примитивное воплощение земной косности. Название новой книги я бы расшифровал как «мгновенную исповедь»...

И там, и тут потоком идет осмысление увиденного, пройденного, пережитого, отбрасываются плевелы. Вот из предыдущей:

**А упырей сменили вурдалаки —
И гарвардские вставили клыки.
И нашу кровь сливают в бензобаки
Их вольвогубые сынки...**

Остаются Любовь, Доброта, Вера. Любовное, доброе, светлое, бесхитростное отношение к друзьям-поэтам, к знакомым, к своим ученикам, которых у него теперь множество, стремление творчески помочь всем, кто в этом нуждается, преобладает в книге и щедро изливалось со сцены, когда Поэт брал слово.

Для нас, в большинстве своём усредненных, живущих довольно обыденно, с чайком и телевизором, с послеобеденной ленью, Александр Ибрагимов стал ближе, понятнее, но так и остаётся примером погружения в творчество. Неким эхолотом. Или дайвером. Способным, благодаря гигантской силе сосредоточения дыхания или той силе, которая была и у Моцарта, «гуляки праздного» (как выразился пушкинский Сальери), совершать чудеса. Видеть и запечатлеть недоступное. Часто просто мимолётное. Утверждая общий смысл и единство сущего.

И сколько в этом его мире красоты, грусти:

**Над вершиной снежной,
Над лицом твоим,
Всё струится нежный
В поцелуях дым...**

Это же совершенно другой ритм, другое бытие. Что ни сравнение, что ни образ, то таинственные, мудрые, пронзительно-пророческие смысловосочетания... Как хочется окунуться с головой в это мощное влекущее течение. Навсегда. Безвозвратно. Потому что там – главное. То, для чего, собственно, и живёшь, для чего и ты когда-то так неудачно взялся за перо, нажал пуговки пишущей машинки, сел за компьютер... Но – слабо. Оторопь берёт, и опять те же мурашки...

**Заходят с неводом заката рыбаки –
Алмазами венцов трепещет ячея,
И плещутся в тоске людские косяки,
И плаваю везде – малёк блескучий я...**

Но не всё тут солнечно, просто: «Братья по Слову, нам Слово по чести – от Бога. Ступишь за Слово – и ты вне закона». Об этом напоминает и такая строка Поэта: «Надо несть крест русского четверостишья».

Время всё расставит по местам. Раздаст титулы и эпитеты. Но краешком глаза видится, что оно, это мистическое время, якобы почему-то говорящее гласом народа, уже сделало свой выбор...

Кемерово, 2007 г.